

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Завтра одной из самых популярных актрис советского кинематографа Ирине Муравьевой исполняется 55 лет. Пожалуй, она одна из немногих людей публичной профессии, кто уже много лет категорически отказывается от любого общения с прессой. Именно поэтому интерес к ее персоне с каждым годом возрастает.

Накануне ее дня рождения мы связались с Ириной Вадимовной. После долгих уговоров она почему-то согласилась пообщаться. Однако когда я появилась на пороге ее квартиры, актриса вздохнула:

— Я передумала. Говорить нам не о чем. Да и к откровенным беседам я не готова. Извините меня...

Тут мои нервы не выдержали. На глаза навернулись слезы. Я целую неделю готовилась к этой встрече, собирала материал об актрисе, еще раз просмотрела некоторые фильмы.

— Ну что с вами делать, — улыбнулась Муравьева. — Проходите. Но предупреждаю: о личной жизни — ни слова. Посмотрим, что у нас в итоге получится...

— Ирина Вадимовна, давайте вспомним ваше детство. Правда, что родители держали вас в ежовых рукавицах?

— Да, у меня была очень строгая мама. У меня еще есть сестра, и мама постоянно оберегала нас. Она не работала, и всю жизнь занималась нашим воспитанием. Нам нельзя было сделать ни шага в сторону. После школы мы сразу бежали домой, потом — на занятия музыкой, вечером опять возвращались домой. Вообще, я своих детей тоже старалась так воспитывать. У меня два сына, и я постоянно выясняла, где и с кем они пропадали. Мои ребята, так же, как и я в детстве, были сильно загружены учебной.

— Неужели они не могли махнуть рукой на ваши запреты?

— Они слушались меня во всем. Ну а когда выросли, конечно, отношения между нами стали складываться по-другому.

— Наверное, такая тяга к воспитанию детей у вас не случайна. Ведь до десятого класса вы хотели стать учительницей?

— Да, я мечтала об этом до 16 лет...

— Почему же вдруг вы так круто изменили свое решение?

— Самое важное случается «вдруг».

— После окончания школы вы подавали документы во все столичные актерские вузы, однако нигде не поступили. Это не отбило охоту стать актрисой?

— Зато я на второй год поступила.

— Но поступили не туда, куда хотели?

— Конечно, я мечтала о МХАТе или Щукинском училище, а поступила в студию Детского театра, куда брали только москвичей, да к тому же там был маленький конкурс. Тогда я решила, что если на второй год не поступлю, то придется бросить эту затею. Я бы не стала десятилетиями поступать в театральные институты. Ну если не принимают, что с этим можно поделать?

— Вы помните свою первую роль?

— В Детском театре я играла мальчика в водевиле. Это была очень большая, хорошая роль.

— Мне трудно представить, как вас могли загримировать под мальчика?

— Да, да, да, я тогда была тонкая, длинная, как мальчик...

— Если бы вы не стали актрисой, какую бы профессию предпочли?

— Учительницей начальных классов.

— Мне кажется, что общаться интереснее с учениками более старших классов?

— Как раз это с 15-летними не интересно. А с первоклашками, ангелами, — просто замечательно.

«Сегодня для меня нет ролей в кино»

— Вас приглашают сниматься в кино?

— Редко. Я вообще нормальный человек и понимаю, что мое время для кино ушло. И может быть, когда я совсем состарюсь, оно вернется. Но на данном этапе для меня совсем нет ролей.

— Многие актеры вашего поколения и старше постоянно ругают современный кинематограф, говорят, что ни за что не

Ирина Муравьева:

«Народу не обязательно знать обо мне правду»

— САМАЯ ОБАЯТЕЛЬНАЯ И ПРИВЛЕКАТЕЛЬНАЯ!

согласилась бы сниматься в том или ином фильме нашего времени. Вы тоже считаете, что сегодняшнее кино стало на уровень ниже того, в котором играли вы?

— Я даже не хочу это обсуждать. Честно говоря, не знаю. В данном случае я говорю про себя. Когда я была помоложе, мне предлагали роли молодых девушек, которые хотят найти свою любовь, которые только начинают жить. Эти времена ушли. У меня уже совершенно другой возраст. Ну и кого я должна играть? Мать или женщину, которая в кого-то безумно влюблена? Я не могу играть такие роли. Мне кажется, что любовь должна играть женщина не с моей внешностью.

— Но все-таки если вас пригласят на подобную роль, неужели откажетесь?

— Я уже отказывалась, когда мне предлагали роль женщины, в которую кто-то там влюбился. Я говорила, что это невозможно, я уже не та, по возрасту я почти бабушка. Вообще, я больше театральная актриса. В кино я снималась в свободное от работы — от театра — время. Никакой ставки на кинематограф я не делала. Мне было просто интересно понаблюдать в кино, а оказалось, что всю популярность мне дало именно оно.

— Вам не обидно, что вас больше знают по киношным ролям?

— Нет, в этом смысле у меня нет никаких

обид. Я с детства хотела работать именно в театре. Сейчас я играю большие, серьезные роли. Актрисам моего возраста можно только мечтать о таких ролях.

— Но в театре нельзя заработать больших денег?

— Вы правы, там вообще нет денег. Но все актеры еще где-то подрабатывают, дают какие-то концерты. Но я это, к сожалению, делаю редко. Одно время мне приходилось тяжело, а сейчас живу очень даже неплохо.

— Что это были за времена?

— Это было в самом начале моей творческой деятельности, когда я была совсем молодой.

«Я до сих пор боюсь зрительного зала»

— В 1980 году фильм «Москва слезам не верит» получил премию «Оскар» как лучший иностранный фильм. После такого успеха вас заметили зарубежные режиссеры?

— Нет. Меня никто за границу снимать не приглашал.

— На съемках этой картины вы подружилась с Верой Алентовой и Раисой Рязановой?

— Нет, и это очень огорчает всех зрителей.

— Вообще актеры после долгой работы над фильмом становятся друзьями?

— Это такая тонкая вещь, друзья. Тут надо найти общие интересы. Я с удовольствием встречаюсь с Алентовой и Рязановой, мы в

прекрасных отношениях, но все-таки стать близкими друзьями нам было не суждено.

— С Александром Абдуловым вы снялись в двух картинах — «Карнавал» и «Самая обаятельная и привлекательная». Наверняка в то время ходили слухи о ваших отношениях?

— Наши совместные съемки от нас не зависели. А насчет сплетен... Мне тоже всегда казалось, что Марчелло Мастоини и Софи Лорен — муж и жена.

— Говорят, после просмотра фильма «Москва слезам не верит» вы даже плакали, так себе не понравились...

— В фильме «Москва слезам не верит» я себе жутко не понравилась. Мне показалось, что я такая противная, назойливая, что Людмила в моем лице собрала в себе все те качества, которые мне не нравятся в людях. Вечером после рабочего просмотра я пришла на спектакль, стала гримироваться и не смогла сдержать слез. Тогда я подумала: «Вот и пришел этот момент. Мы так весели-

лись на съемках, и вот итог — я так ужасно получилась в этой роли».

Впрочем, мне всегда не нравится то, что я делаю. У Тригорина в пьесе «Чайка» есть примерно такие слова: «Я не люблю себя как писателя, я не нравлюсь себе как писатель, мне все это не нравится. Мне кажется, что мои читатели блондины — холодны и равнодушны, брюнеты — язвительны и агрессивны». Со мной происходит то же самое. Я ведь до сих пор боюсь зрительного зала. Когда я выхожу на сцену и слышу, что зрители, например, смеются, я боюсь, что в зале сидит один человек, который понимает, как я ужасно играю. Я начинаю шутить для зрителей, и они мне отвечают. А тот человек думает: «Какой это ужас, чему же она так радуется? Почему же она так спокойно играет?».

— Естественно, ни о какой премии вы даже не мечтали?

— Конечно. Тогда мы даже не знали, что такое «Оскар».

«В троллейбусе ко мне подходили люди, и каждый говорил что-то неприятное в мой адрес»

— В одном интервью вы обронили фразу «в моей жизни все до банальности просто». Не скучно жить, когда все просто, все банально? Мне кажется, что все творческие люди живут как на вулкане?

— Зачем же вы мне желаете такой несчастной жизни? Ну разве это счастье — жить как на вулкане. Это интересно только со стороны. А вы сами попробуйте, поживите на вулкане. Ведь там очень горячо, вода течет, лава ноги обжигает...

— Выходит, вы предпочитаете бесконечным страстям тихую гавань?

— Я к такой жизни стремлюсь и стараюсь не ходить в эти вулканические края. То, что вы сейчас говорите, это как раз банальное представление об артистах. Почему-то многие считают, что любого актера сопровождает кипение страстей, сигарета в зубах, бутылка коньяка, какие-то любовники, разво-

ды, бросание детей. Ну и что это такое? Я думаю, очень многие так не живут. Ведь мы нормальные люди, такие же, как все.

— Но ведь у большинства людей вашей профессии все именно так и происходит?

— У артистов очень подвижная нервная система. Выход на сцену я могу сравнить с бегом на стометровку. Когда за три часа надо так сконцентрироваться, чтобы успеть пробежать данное расстояние. Это расшатывает нервную систему. А поскольку среди нас есть люди менее здоровые, которые не знают, куда эту энергию девать, вот они и кидаются во все тяжкие. А кто здоровее, тот идет домой и ложится спать до следующего утра.

— Много лет назад я так часто видела вас в троллейбусе, благо живем по соседству, и очень удивлялась, почему народная артистка России передвигается на общественном транспорте?

— Сейчас я уже десять лет за рулем. А раньше, действительно, я часто ездила на троллейбусе. Но тогда меня не столько сами поездки смущали, сколько пассажиры. Я удивлялась бестактности многих людей. Мне могли спокойно сказать: «Ах, какая вы стали старая» или «О, как бежит время! Вот я смотрю на вас и удивляюсь, вам надо отдыхать побольше». Не поверите, ко мне каждый хотел подойти и ласково сказать что-то. Это естественный порыв любого человека. Мне было тяжело такое выслушивать, но приходилось держаться. Я понимала, что они это делали не со злобы, здесь виновата людская простота, которая хуже воровства.

— Вы старались промолчать в ответ?

— Приходилось терпеть, улыбаться. Только один раз я не выдержала, когда кассирша в «Детском мире», глядя на меня, воскликнула: «Ой, какая вы старая, я помню, когда вы приходили к нам совсем молодой, у вас тогда были дети маленькие». — «Ну что же, это вы молодеете, а я старею», — единственное, что я могла сказать в ответ. Правда, потом жалела об этом, надо было промолчать.

— Ирина Вадимовна, вы вообще можете нахамить?

— Я могу все, но просто некоторые вещи делать нельзя.

— Многие журналисты говорят, что у вас тяжелый характер.

— По-моему, у меня хороший характер. Хотя я бываю жесткая, умею отказывать.

— Вы категорически отказываетесь беседовать с прессой. Раньше вы более лояльно относились к журналистам?

— На меня узнаваемость обрушилась неожиданно. Тогда я не знала, что мне делать и как себя вести. Ко мне подходили совершенно незнакомые люди, улыбались, пытались заговорить, я делала вид, что никого не вижу, а сама готова была провалиться сквозь землю от стыда. Я стеснялась того, что меня узнавали на улице. Однажды знакомые мне сказали: «Ты посмотри, человек идет и тебе улыбается, как ты можешь ему не ответить? Ведь он твое стеснение может принять за гордыню...». Так на протяжении многих лет я не знала, как себя вести. Это сейчас я со всеми разговариваю, всем улыбаюсь.

— Выходит, мемуары писать не станете?

— Думаю, нет. Народу абсолютно не обязательно знать обо мне правду. Люди ко мне обращаются как к образу, который они увидели на телеэкране или в театре. Когда я поняла, что между зрителем и мной стоит еще какой-то образ, мне стало очень легко. Ведь это на самом деле не я. Зрители после спектакля говорят мне: «Боже мой, вы так хорошо играете, и какая вы сама хорошая». Знали бы они, какая я хорошая!

— Вы ничего не хотите рассказывать о своей семье, о своих детях?

— Зачем говорить о детях? Не портите мне их.

— Ирина Вадимовна, как отметите свое 55-летие?

— Завтра утром я отработаю спектакль «Вишневый сад», в три часа дня поеду на венчание сына в храм, а потом мы всей семьей будем отмечать свадьбу сына, а заодно и мой день рождения. И когда подойдет моя очередь говорить тост, я скажу: «Дети мои, когда у вас будет золотая свадьба, вспомните, что вашей маме сегодня 105 лет».

Ирина БОБРОВА.